

В сложной и еще не до конца изученной структуре архивного наследия Р. Г. Назирова значительную в количественном отношении часть занимает художественная проза¹. Некоторые из своих рассказов Назиров публиковал при жизни в местной печати², часть выпущена в свет уже после смерти автора³. Однако большая часть художественной прозы Назирова «писалась в стол». Среди таких текстов особый интерес представляет незавершенный роман о Христе, озаглавленный «Звезда и совесть».

Роман представляет собой художественное переосмысление биографии Христа, вписанной в исторический контекст эпохи. Автор стремится создать широкое эпическое полотно, изобилующее картинками из жизни и быта народа, дать свою трактовку и видение евангельских сюжетов, воссоздать эпизоды из жизни известных исторических личностей, таких, как Ирод Антипа, его жена Иродиада и др. Ядро действия составляет готовящееся восстание евреев против римской власти, которое становится поворотным пунктом в духовной эволюции главного героя: Йешуа принимает на себя роль Мессии. По замыслу автора роман должен был завершиться сценой крестной муки.

Дошедший до нас текст включает в себя множество ярких и оригинальных эпизодов таких, как сцена выкупа Иакова у грозного и жадного Эвбула, собрание в таинственном Доме Рыбы, философская беседа Йешуа с Аароном, хозяином одной из вилл, встретившихся ему и его ученикам во время их странствования в Палестине. Крайне необычно описано изгнание бесов из Мариам из Магдалы, в которой причудливо переплетаются мистика и

¹ О структуре архива см. Орехов Б. В. Научный архив профессора Р. Г. Назирова // Русское слово в Республике Башкортостан: Материалы региональной научно-теоретической конференции / отв. ред. О. П. Касымова. Уфа, 2011. С. 115—120; Орехов Б. В. Текстология назировского архива // Назировский архив. 2013. № 1. С. 144—159; Орехов Б. В., Шаулов С. С. Архив Р. Г. Назирова как система // Назировский архив. 2013. № 2. С. 118—126.

² Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 27.

³ Назиров Р. Г. Уфимские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 4. С. 3—18; Назиров Р. Г. Институтские рассказы // Бельские просторы. 2011. № 11. С. 9—27; Назиров Р. Г. Утро в городе Солнца. Фантастическая новелла // Назировский архив. 2013. № 2. С. 94—96.

«реалистическое» описание архаической психотерапии, грех и целомудрие, мудрость и безумие. Каждый из этих эпизодов даже при первом знакомстве с текстом тянет за собой целую вереницу культурных и литературных ассоциаций, однако сохраняет в этом ряду свою индивидуальность и оригинальное эстетическое впечатление. Историко-литературный и структурный анализ назировского романа и его контекстуальных связей — важнейшее направление дальнейшей работы с текстом.

Датировка текста остаётся нерешённой проблемой: прямые указания на время написания в папке с рукописью романа отсутствуют. Есть всего две записи о датах, сделанные автором на рабочих материалах к роману. Одна — на странице польской газеты со статьёй о Святой Горе: «1958, 26 stycznia» (26 января 1958 г.), другая — на странице из журнала: «Пальмира, авг. 1959» (см. рис. 1). Наличие таких материалов, на наш взгляд, говорит об относительно рано установившемся и постоянном интересе к теме, однако ещё не доказывает, что в конце 1950-х Назиров уже работал над романом «Звезда и совесть».

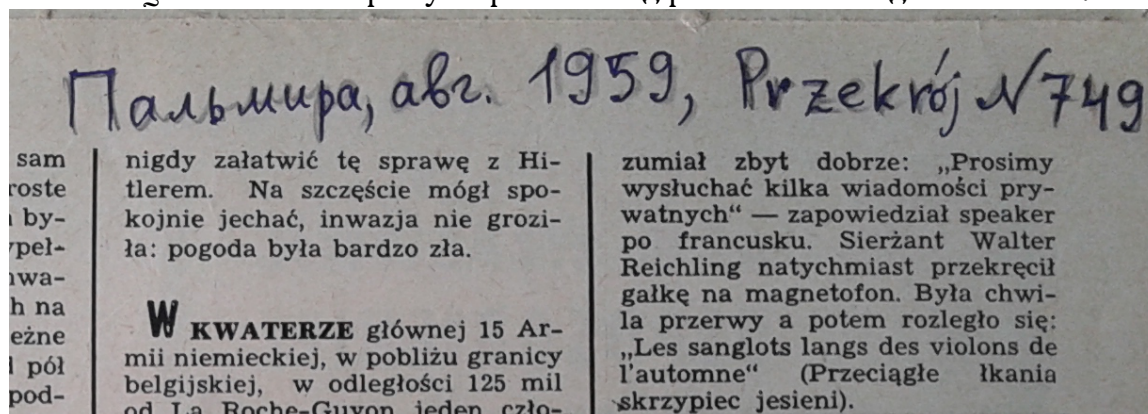

Рис. 1

Однако установить примерные временные рамки работы над романом все-таки возможно. Это позволяют сделать школьные тетради, в которых записана часть текста. На задних обложках напечатана дата их выпуска — IV квартал 1975 г. (см. рис. 2). При этом, несмотря на то, что в тетрадях зачастую дается уже связный текст, это далеко не последний этап работы Назирова. Следовательно, подготовительная работа над романом велась ранее конца 1975 года, а начиная с этого времени, Назиров создает дошедший до нас текст.

Это противоречит предположению Б. В. Орехова, в статье о малой прозе Р. Г. Назирова определившего временные рамки его писательской

деятельности как период с 1950-ых до начала 1970-ых⁴. В числе прочих архивных и биографических обоснований в статье приводится также мемуарное свидетельство: «А. П. Филиппов утверждает, что примерно с начала 1970-х годов Р. Г. Назиров начинает отвечать отказом на предложения опубликовать свои художественные произведения в газете “Ленинец”, мотивируя это занятостью исследованием творчества Достоевского»⁵. Это может указывать не только на «переориентацию с писательской деятельности на литературоведческую»⁶, но и на изменение самого характера писательства. Назиров, с нашей точки зрения, в это время перестает рассчитывать на карьеру писателя и начинает писать «в стол».

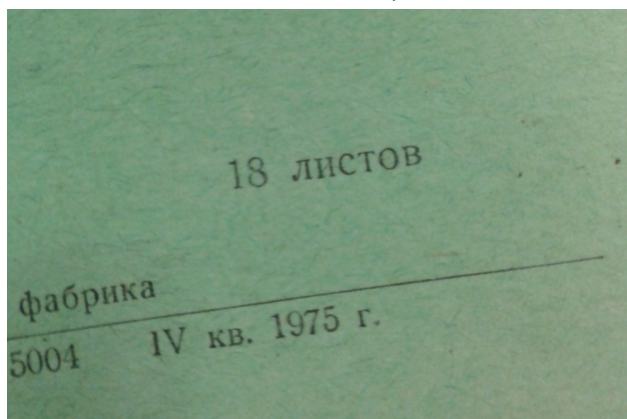

Рис. 2

Впрочем, можно выстроить и другую гипотезу. В 1973 году был впервые издан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»⁷, с «евангельскими главами» которого «Звезда и совесть» коррелирует по тематике и содержанию. Возможно, булгаковский роман «реанимировал» старый творческий замысел Назирова и на время «вернул» литературоведа собственно в литературный труд. Ответ на вопрос, был ли роман «Звезда и совесть» случайным и единичным возвратом автора в оставленный уже род деятельности, или Назиров действительно с начала 1970-х становится «подпольным» писателем, должна дать дальнейшая работа над архивом, художественная часть которого исследована пока недостаточно.

В папке с рукописью романа также имеются рабочие материалы

⁴ Орехов Б. В. Очерк малой прозы Р. Г. Назирова // Назировский сборник: исследования и материалы / под ред. С. С. Шаулова. Уфа, 2011. С. 27.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Полный текст опубликован в 1973 году.

Назирова: выписки из различных справочных изданий, страницы газет и журналов на русском и иностранных языках. Все они, несомненно, служили для художественного воссоздания картины жизни в Палестине на рубеже древней и новой эры, поэтому можно говорить даже о некотором этнографизме романа. Автор ознакомился с историческими справками об известных личностях и событиях, вошедших в роман, с описанием традиций интересовавшей его эпохи, с подробностями быта древней Палестины (жилища, одежды и т.д.), практически составил целый словарь экзотичных для читателя XX века исторических реалий. Даже в самом тексте романа встречаются примечания, в которых приводится значение того или иного слова, например, атаман разбойничьей шайки говорит: «Разбойники в палатах Кесарии и Тибериады удачливее нас: они грабят средь бела дня и мерят добычу киккарами». После его слов читаем: «Киккаром назывался восточный талант». Возможно, подобного рода пояснения при вёрстке ушли бы в сноски, а возможно, только отражают ход авторской мысли и при попытке обнародования и вовсе исчезли бы.

Текст самого произведения представлен в трех вариантах: машинописном, рукописном на листах формата А4 и тетрадных листах. В количественном отношении наименьшую часть составляют машинопись и тетрадные записи: и тех, и других всего по 5 штук. Основной корпус сформирован листами А4 — их 160. При этом часть из них включает в себе описание творческого замысла, другая состоит из черновиков. Поэтому основной рукописный текст представлен 124 листами.

Исходя из имеющихся материалов можно предположить, что работа над романом велась в несколько этапов: сначала создавался план, который записывался в тетрадь, затем в тетради создавался первый вариант текста затем писался черновик на А4 (иногда создавалось несколько вариантов) и уже на завершающем этапе текст набирался на печатной машинке. Подобная последовательность, как показал Б. В. Орехов в упомянутой выше статье «Текстология назировского архива», в целом характерна для архива учёного.

В своём плане романа Р.Г. Назиров указывает на количество частей и глав будущего произведения: 3 части по 20 глав. В рукописном варианте до нас дошли Пролог, главы с первой по восьмую, начало десятой главы, фрагмент главы без номера и главы с 14 по 18. Машинопись охватывает только Пролог.

Для романа характерна относительная структурная сложность: на всём

протяжении повествования последовательно происходит чередование двух сюжетных линий. Первая из них связана с Иешуа и народным движением, вторая — с интригами во дворце Ирода Антипы. Они обе разворачивают перед читателем авторскую реконструкцию жизни разных слоев населения и представителей разных культур, существовавших в одну историческую эпоху; однако эти сюжетные линии могут быть противопоставлены не только по содержательному признаку, но и формально — по признаку разной тематической (а значит, и сюжетной) соотнесенности: линия Иешуа включает в себя мифологический и философский пласт, а линия Ирода Антипы сконцентрирована вокруг политической борьбы. Существенно разнятся и моральный облик этих двух миров, т. к. праведная, аскетическая жизнь Иешуа и его единомышленников, исцеление больных и забота о благе народа оказываются полярно противоположными корыстолюбию, сладострастию и жестокости власть имущих. Это противопоставление ярко демонстрирует разницу между закатом античной культуры, и рождением новой традиции, которой ещё только предстоит обрести свою жизнь.

Политические интриги не только воссоздают атмосферу эпохи и вводят читателя в курс исторических событий, например, в начале романа имеется подробное описание династии царя Ирода Антипы, но и привносят в текст черты авантюрного романа и исторического детектива. С другой стороны, добиться занимательности, очевидно, не было самоцелью — в качестве одной из задач писатель ставил для себя следующее: «Курс на 500 действующих лиц с толстовской рельефностью и уникальностью». А такое большое количество персонажей, по всей видимости, требовало создания нескольких сюжетных линий для их органичного разворачивания в художественном мире романа.

Важным свидетельством творческой истории текста являются краткие комментарии автора к каждой из первых восьми глав (кроме четвертой и седьмой), написанные на листах небольшого формата (меньше А4) и размещенные перед началом соответствующей главы. Они содержат информацию различного характера: указания на необходимость изменений некоторых художественных деталей (например, одежды персонажей), требования более детального описания художественного пространства города и домов, являющихся местом действия; постановка задач по дополнению портретных характеристик героев: автор, видимо, хотел сделать их более развернутыми для большей изобразительности.

Много внимания Назиров уделяет построению романых диалогов, отражающему процесс творческого поиска. Так, оценивая вторую главу, он пишет: «Диалоги слишком сгущены. Их надо раздробить слегка авторскими ремарками; ремарок сделать больше. Мелкие реплики соединять. У меня слишком много коротких фраз. Диалог не должен быть натуралистичным, это не магнитофон. Нужен образ диалога». А в замечаниях к восьмой главе автор указывает на недостаточность авторского комментария и драматизма в диалогах.

Таким образом, можно сделать вывод о стремлении Назирова-писателя к преодолению натуралистичности диалогов, социально-психологической характеристике героев через диалогическую речь, изображению идеологического противостояния героев-оппонентов.

Дошедшие до нас черновики позволяют судить о том, каким изменениям подвергался текст. Чаще всего исправлению подвергались стилистически неуместные выражения, текст приводился в соответствие с авторским замыслом. Так, сцена молчаливой борьбы встретившихся взглядами Йешуа и Иоханана в черновике представлена следующим образом: «Два взгляда скрестились: один, как бушующее пламя пожара, другой — как пристальный свет звезды...». В конечном же варианте читаем: «Два взгляда встретились: один как пламя, другой как звёздный свет...». Автор снимает остроту конфликтной ситуации, так как герои являются союзниками, преследуют одну и ту же цель, и их разногласия не могут служить поводом к резкому антагонизму. Описание взглядов без использования эпитетов усиливает читательское внимание на сравнении одного героя с пламенем, другого — со звездой. Эти сравнения устойчиво закрепляются за Йешуа и Иохананом на протяжении всего романа, назировская правка, по нашему мнению, направлена на усиление их символической наполненности.

Есть и менее значительные правки, которые, однако, интересны как демонстрация хода авторской мысли. Один из персонажей на вопрос царицы Иродиады о том, кто такой Иуда Иссахариот отвечает: «Он ещё молод и любит удовольствия, а значит и деньги». В черновике за этим предложением есть следующее, не вошедшее в основной текст: «Красивый малый, сын купца». Привлекательность внешности юноши в дальнейшем становится сюжетным обоснованием его любовной связи с Иродиадой. Тем не менее, в устах другого персонажа (тем более, мужчины) оно выглядит неуместно и

преждевременно: царица должна сама узнать об этом при личной встрече с с героем.

Другой разновидностью правки было включение или исключение из текста авторского слова, поясняющего те или иные реалии исторического времени романа. Например, в первой главе, объясняя, кого называли «человеком земли» автор в конечном варианте отказывается от замечания, распространяющего это объяснение: «(в частности и людей, которые не носили на себе «тефиллин» — священный амулет с изречениями из священного Писания)». Возможно, причиной тому служит появление далее в тексте персонажей, которые носят упоминаемый выше «тефиллин».

С другой стороны, добавляются описания общественно-исторической ситуации. Когда Йешуа со своими учениками пересекает Иордан, Назиров делает отступление от сюжетного повествования и пишет краткий исторический экскурс о том, что Иордан в те времена служил границей между Переей, владениями Ирода Антипы и Иудеей.

Последние примеры свидетельствуют о тенденции к замедлению повествования путём введения необходимых пояснений, однако в некоторых случаях, наоборот, происходит ускорение действия за счёт сокращения текста. Так, в третьей главе происходит преобразование подобного типа. Для большей ясности кратко обозначим события этой главы: вскоре после проповеди Иоханана в лагерь приезжают посланцы из Иерусалима, говорящие от лица старого Храма и желающие знать, является ли Иоханан Мессией. В ответ они слышат, что он не пророк, явления которого так ждут в народе, но Мессия сейчас здесь, среди толпы, и хотя он ещё не открыл своего лица, но близок день, когда узрят Его. В конце главы Йешуа проходит обряд крещения в священной реке Иордан, символизирующий принятие им своей судьбы.

Исследовательский интерес вызывает сама сцена визита гостей: в черновом варианте более пространная, содержащая реплики персонажей, которые из конечного варианта были исключены, а именно:

1) Убирается реплика одного из гостей: «Ты не дашь нам хотя бы напиться с дороги?»

2) Приказание напоить мулов даётся в форме косвенной, а не прямой речи.

И то, и другое сжимает повествование, придавая ему большую ёмкость, усиливая драматическую напряженность диалога между Иохананом и его

гостями, подчёркивая его значимость в составе главы. Следуя традиционным представлениям о композиции, этот момент можно назвать кульминационным, так как его предвещает завязка в начале главы, проповедь как развитие действия, а после него происходит развязка — крещение, сопровождаемое мнимым чудом (загоревшееся от удара молнии дерево, застрявшее на мели, люди принимают за огонь на воде).

Следовательно, к моменту объявления о скором приходе Мессии напряжение в повествовании усиливается, приближаясь к своей крайней точке, и любое замедление действия оказывается художественно нецелесообразным. По этой причине Назиров производит указанные выше правки, тем самым ускоряя движение сюжета.

Пожалуй, самым заметным и очевидным можно считать изменение названия второй главы. В первом варианте оно звучит, как «Лагерь близ Енона» (Енон — место, где крестил Иоанн). Уже в черновике «Енон» было зачёркнуто и заменено на «Иордан». Конечный вариант названия: «Лагерь за Иорданом». Подобную трансформацию следует трактовать как стремление к фактографической точности: уточняется месторасположение лагеря, определяемое пограничным положением реки. Енон же стал местом крещения лишь вследствие того, что лагерь был разбит у Иордана.

Суммируя вышесказанное, выделим следующие типы правок: стилистические, фактологические, содержательные. Последние преобладают в связи с тем, что работа над первой частью романа подошла к стадии стилистической отделки, а значит текст во многом уже был закончен. Об этом можно судить по комментариям Назирова к конечным вариантам глав, в которых он указывал на необходимость шлифовки диалогов, добавления деталей и т.д., в целом, не затрагивая пласт содержания.

Таким образом, мы имеем дело с практически завершённой первой частью «Звезды и совести», которая вместе с записями о структуре и идейном содержании романа разворачивает перед нами картину художественного целого, вполне доступного чтению и пониманию. Можно судить об относительной идейной завершенности, так как имеющийся текст реализует авторскую установку на рационализацию мифа, а динамика развития образа главного героя вполне отвечает следующей записи Назирова: «Иешуа под влиянием народа осознал себя богом». С другой стороны, содержательно роман далёк от завершения: до нас дошли рукописи только одной части из трёх, сюжет

обрывается на подготовке к восстанию, выведены не все действующие лица (по первоначальному замыслу их должно быть около 500).